

Укрепление связей между регионами Украины и России, строительство ими системы отношений с областями Белоруссии способно оказать большое влияние на общественное сознание. Важно только, чтобы эти связи не ограничивались экономической сферой, а охватывали все стороны общественной жизни.

Развитие системы региональных связей между регионами Украины и России требует наличия своего рода плацдарма, такого региона, который был бы в наибольшей степени свободен от контроля со стороны правящего класса, а общественное сознание которого было бы подготовлено к реализации идеи восточнославянского единства. Таким регионом, на мой взгляд, может стать Крым в случае приход к власти здесь блока прогрессивных сил. Конституция Крыма позволяет ему эффективно отстаивать свои экономические и политические права, а общественные настроения исключают даже самую возможность успешных манипуляций со стороны правящего класса Украины. В этой связи мне кажется глубоко символичным то, что в Крыму сейчас, в преддверии избирательной кампании проходят панаринские чтения. Сохранение культурной идентичности и системы ценностей наших народов, сформированной на основе Православия, к которому приложил огромные усилия Александр Сергеевич, во многом зависит от того, станет ли Крым плацдармом для осуществления идеи восточнославянского единства.

Кара-Мурза С.Г. доктор наук, профессор

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПРИЧИНА НАШЕГО КРИЗИСА: ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Большинство стран, образовавшихся после развала СССР, переживают глубокий и длительный кризис. К их числу относятся и РФ с Украиной. Новый виток этого кризиса связан с «оранжевыми» революциями или угрозой их проведения. Важно понять суть этого кризиса, его генезис.

Принято говорить, что «оранжевые» революции – продукт постмодерна. Что это значит? Революции эпохи модерна – как буржуазные, так и антибуржуазные вызревали и предъявляли свои цели и свою доктрину на основе рациональности Просвещения. Язык и проблематика Просвещения задавали ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов.

Произошедшие недавно на наших глазах «цветные» революции не могут быть истолкованы в привычной логике *разрешения социальных противоречий*. Политологи с удивлением пишут: «Ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося. А главное, о смысле и содержании ознаменованной этими революциями новой эпохи. После революций-то что? Ни от свергнутых и воцарившихся властей, ни со стороны уличных мятежников, которые явно заявили о себе как об активной оппозиционной политической силе, до сих пор ничего вразумительного на этот счет не прозвучало»¹.

Важным результатом этих революций-спектаклей становится не только изменение власти, но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иных МИ ценностями, записанными где-то вне данной культуры.

Р.Шайхутдинов пишет о том, что происходило на Майдане и на что с остолбенением смотрела и старая власть, и здравомыслящая (не подпавшая под очарование спектакля) масса украинцев: «Этот новый народ (народ новой власти) ориентирован на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделён образом будущего, который действующей власти отнюдь не присущ. Но действующая власть не видит, что она имеет дело уже с другим – не признающим её – народом!»

Таким образом, «оранжевые» революции отличаются от революций эпохи модерна очень важным и трудно осознаваемым свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплавивающий ресурс *этничности*, то есть ощущения принадлежности к особому этносу, особому народу. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплавивали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под лозунгами классовой борьбы, под знаменем интернационализма людей труда и приглушали этничность социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых

¹ О. Маслов, А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность // Независимая газета. – 13. 05. 2005.

исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достижимая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать (что и показали, события конца 80-х и 90-х годов в Средней Азии, на Кавказе и в Югославии).

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в огромной степени опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции. Вообще, агрессивное этническое сознание чаще всего разжигается в государствах переходного типа в политических или преступных целях.

Ретроспективный анализ генезиса «оранжевых» революций ведет нас к перестройке. В конце 80-х годов была декларирована доктрина перехода к демократии. Но идеологи этого перехода замалчивали главную проблему – что же такое *демос*, который должен был получить всю власть? Ведь *демократия* – это власть *демос*! Да, по-русски «демос» означает *народ*. А правильно ли нам перевели это слово, не скрыли от нас какую-то важную деталь? Скрыли, и даже ввели в заблуждение! Само слово *народ* имеет совершенно разный смысл в традиционном и в гражданском западном обществах.

В царской и советской России существовало устойчивое понятие народа. Оно вытекало священных понятий *Родина-мать* и *Отечество*. Народ – надличностная и «вечная» общность всех тех, кто считал себя детьми Родины-матери и Отца-государства (власть персонифицировалась в лице «царя-батюшки» или другого «отца народа», в том числе коллективного «царя» – Советов). Как в христианстве «все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божий» (и к тому же «Мы – дети Божий... а если дети, то и наследники»), так и на земле все, «водимые духом Отечества», суть его дети и наследники. *Все* они и есть народ – суверен и источник власти. Небольшая кучка отщепенцев, отвергающих «дух Отечества», из народа выпадает, а те, кто отвергает этот дух активно, становятся «врагами народа». Дело власти – за ними следить, их увещевать, а то и наказывать.

Таков был русский миф о народе, многое взявший из Православия и из космологии крестьянской общины. Мы никогда не соотносили его с иными представлениями. А ведь уже даже на ближнем от нас феодальном Западе их государственность строилась на совсем других толкованиях. Например, в Польше и Венгрии вплоть до XIX века сохранялась *аристократическая* концепция нации. Так, «венгерскую нацию» составляли все благородные жители Венгрии, даже те, кто венграми не был и по-венгерски не говорил – но из нации исключались все крепостные и даже свободные крестьяне, говорившие на диалектах венгерского языка. Представления венгров о своем народе быстро изменялись в ходе сдвига, всего за столетие с небольшим, от *аристократического* к *пролетарскому* национализму².

Аристократическое понимание народа было кардинально отвергнуто в ходе великих буржуазных революций, из которых и вышло *гражданское общество*. Было сказано, что приверженцы Старого порядка – всего лишь *подданные* государства («монарха»). Народом, демосом, становятся лишь те, кто стали гражданами и совершили революцию, обезглавив монарха. Именно этот, новый народ и получает *власть*, а также становится наследником *собственности*. И этот народ должен вести непрерывную войну против всех тех, кто не вошел в его состав («быдла»).

В фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах, читаем: «Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией... Гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как «народ» утверждается через революцию, а политическое право – собственно-

² Лиг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность / В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». – М.: Наука, 1994.

стью... Таким образом, эта демократия есть ничто иное как холодная гражданская война, ведущаяся государством».

В понятиях политической философии Запада индивиды соединяются в народ через гражданское общество. Те, кто вне его – не народ. С точки зрения западных исследователей России, в ней даже в середине XIX века не существовало народа, так как не было гражданского общества. Путешественник маркиз де Кюстин писал в своей известной книге о России (1839 г.): «Повторяю вам постоянно – здесь следовало бы все разрушить для того, чтобы создать народ». Это требование почти буквально и стало выполняться полтора века спустя, российскими демократами. Они, впрочем, преуспели пока что только в разрушении, а выращиваемый в пробирке реформ новый народ не прибавляет в весе.

Рассуждения демократов о том, что население СССР (а затем РФ) вовсе не является народом, а народом является лишь скрытое до поры до времени в этом населении особое меньшинство, поражали своей *недемократичностью*, на деле были именно демократическими – но в понимании западного гражданского общества. Беда в том, что подавляющее большинство просто не понимало их смысла. Не поняло оно и смысла созданного и распространенного в конце 80-х годов понятия «новые русские». Оно было воспринято как обозначение обогатившегося меньшинства, хотя уже первоначально разрабатывалось как обозначение тех кто отверг именно «дух Отечества» (как было сказано при первом введении самого термина «новые русские», отверг «русский Космос, который страшнее Хаоса»).

Ненависть возникающего в перестройке нового народа к *традиционному народу* была вполне осознанной. Потому что только причастные к этому меньшинству считали себя *демосом*, народом, а остальные остались для них быдлом, «совками». Г.Павловский с некоторой иронией писал в июле 1991 г.: «То, что называют «народом России» – то же самое, что прежде носило гордое имя «актива» – публика, на которую возлагают расчет. Политические «свои»...».

О составе этого нового народа, вызревшего в советском «народе подданных», поначалу говорилось глухо, смысл можно было понять только изучая классические труды западных идеологов гражданского общества, но мы их не изучали. Картину можно было составить из отдельных мазков – коротких статей, выступлений, оброненных туманных намеков, – но этим анализом не занимались. Систематически заниматься этим нет времени и сегодня, но примеры привести можно.

Так, в «перестроечной» среде получила второе дыхание идея о том, что интеллигенция представляет собой особый народ, не знающий границ и «своей» государственности. Идея эта идет от времен Научной революции и просвещенного масонства XVIII века, когда в ходу была метафора «Республика ученых» как влиятельного экстерриториального международного сообщества, образующего особое невидимое государство – со своими законами, епископами и судами. Их власть была организована как «невидимые коллегии», по аналогии с коллегиями советников как органов государственной власти немецких княжеств. Во время перестройки, когда интеллектуалы-демократы искали опору в «республике ученых» (западных), стали раздаваться голоса, буквально придающие интеллигенции статус особой *национальности*.

Румынка С. Инач, получившая известность как борец за права меньшинств, писала (в 1991 г.): «По моему мнению, существует еще одна национальность, называемая интеллигенцией, и я хотела бы думать, что принадлежу также и к ней», А вот развернутое рассуждение Г.Павловского о «его народе», интеллигенции; «Русская интеллигенция вся – инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Её не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великоруссов» едва ли поместится... Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека»³. Сейчас Павловский поет другие, антилиберальные песни, но это неважно, он высказал в 1991 г. стратегические идеи, в них и надо вникать.

Замечательно, что эйфория нового народа вовсе не обманула его идеологов. Они видели, что власть этого демоса эфемерна, слишком уж он невелик. Весной 1991 г. в типичной антисоветской статье слышна жалоба: «Демократия требует наличия демоса – просвещенного, зажиточного, достаточно широкого «среднего слоя», способного при волеизъявлении руководствоваться не инстинктами, а взвешенными интересами. Если же такого слоя нет, а есть масса, где впритирку колышутся люди на грани нищеты и люди с большими... накоплениями, масса, одурманенная

³ Павловский Г. Война так война // Век XX и мир. – 1991. – № 6.

смесью советских идеологов с инстинктивными страхами и вспышками агрессивности, – говорить надо не о демосе, а о толпе, охлосе... Надо сдерживать охлос, не позволять ему раздавить тонкий слой демоса, и вместе с тем из охлоса посредством разумной экономической и культурной политики воспитывать демос»⁴.

Уже в самом начале реформы была поставлена задача изменить тип государства – так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать *все* население народом (и потому собственником и наследником достояния страны). Теперь утверждалось, что *настоящей* властью может быть только такая, которая защищает *настоящий* народ, то есть «республику собственников».

Д. Драгунский объясняет: «Мы веками проникались уникальной философией единой отеческой власти. Эта философия тем более жизнеспособна, что она является не только официальной государственной доктриной, но и *внутренним* состоянием большинства. Эта философия отвечает наиболее простым, ясным, безо всякой интеллектуальной натуги воспринимаемым представлениям – семейным. Наше государственно-правовое сознание пронизано семейными метафорами – от «царя-батюшки» до «братской семьи советских народов»... Только появление суверенного, власть имущего класса свободных собственников устранил противоречие между «законной» и «настоящей» властью. Законная власть будет наконец реализована, а реальная – узаконена. Впоследствии на этой основе выработается новая философия власти, которая изживет традицию отеческого управления»⁵.

В требованиях срочно изменить тип государственности идеологи *народа собственников* особое внимание обращали на армию – задача создать наемную армию карательного типа была поставлена сразу же. Д. Драгунский пишет: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [«может быть, только одна десятая населения»]... Надо отметить, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей кромешной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным – он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сырых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее – защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»⁶.

Здесь изложена доктрина реформ 90-х годов в интересующем нас аспекте. На первом этапе реформ будут созданы лишь «оазисы» рыночной экономики, в которых и будет жить *демос* (10% населения). В *демократическом* (в понятиях данной доктрины) государстве именно этому демосу и будет принадлежать власть и богатство. Защищать это просвещенное зажиточное меньшинство от бедных (от *бунтующих люмпенов*) станет реформированная армия с новыми ценностными ориентациями. Колышущаяся на грани нищеты масса (90% населения) – *охлос*, лишенный и собственности, и участия во власти. Его надо «сдерживать» и, по мере возможности, рекрутировать из него и воспитывать пополнение демоса (по своей фразеологии это – типичная программа ассимиляции национального меньшинства).

Каков же результат осуществления этой программы за пятнадцать лет? Все это время в стране шла холодная гражданская война нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Новый народ был все это время или непосредственно у рычагов власти, или: около них. Против большинства населения (старого народа) применялись прежде всего средства *экономической и информационно-психологической войны*.

Экономическая война против советского народа внешне выразилась в лишении его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений в результате гиперинфляции. Это привело к глубокому кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников сельского хозяйства. Резкое обеднение большинства населения привело к кардинальному изменению всего *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к

⁴ Драгунский Д., Цымбурский В. Рынок и государственная идея // Век XX и мир. – 1991. – № 5.

⁵ Драгунский Д. Законная или настоящая? // Век XX и мир. – 1991. – № 7.

⁶ Там же.

образованию и здравоохранению, характеру жизненных планов).

Изменение образа жизни при соответствующем идеологическом воздействии означает глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушает мировоззренческое ядро цивилизации. Изменения в жизнеустройстве такого масштаба уже не подпадают под категорию *реформ*, речь идет именно о революции. По словам философа-эмигранта П.А.Сорокина, реформа «не может попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа – это укорененные в подсознании фундаментальные ценности, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали «естественными». Изменения в жизнеустройстве советского народа в РФ именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства населения.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание (информационно-психологическая война) имело целью непосредственное разрушение культурного ядра советского народа, В частности, был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину. Историческая память – одна из важнейших духовных сфер личности, скрепляющая людей в народ. Подвергся разрушению (очернению и осмеянию) универсум символов, несущая конструкция национального самосознания.

Сдвиги и в общественном сознании, и в образе жизни были инструментами для демонтажа того *народа*, который и составлял советское общество, был тем демосом, на согласии которого и держалась легитимность советской государственности, и сила советского государства. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» – осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эту массу демократы и называют охлосом.

В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения населения России, оно утратило систему ценностных координат. Медики даже говорят о разрушении *динамического стереотипа*, вырабатываемой в культуре способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Именно этим они объясняют аномально высокую смертность населения трудовых возрастов⁷. Этим же во многом объясняется и всплеск преступности, особенно с применением насилия.

Кризис мировоззрения в советском обществе начался задолго до реформы 90-х годов, он явился ее предпосылкой. Перестройка нанесла по ослабленному культурному основанию народа мощный удар и разрушила его в достаточной мере, чтобы парализовать волю. Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы мировоззренческая матрица народа Российской Федерации представляла собой *ризому* - размонтированную среду без матричной иерархии, среду «тотальной равнозначности», лишенную «образа истинности»⁸. Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

В этом состоянии большинство населения РФ действительно утратило некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки программы и для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться тяжелым ударам, направленным на разрушение его самосознания.

В начале реформ господствующее меньшинство утверждало, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации атомизированных индивидов, «освобожденных» от уз советского тоталитаризма, в классы и ассоциации, образующие *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и создание системы политических партий, представляющих интересы классов и социальных групп. На первом этапе эти партии должны были принять активное участие в демонтаже старого народа.

В соответствии с этим планом должны были быть реформированы и механизмы, «воспроизводящие» народ – школа, СМИ, культура и т.д. При этом, как утверждалось, должен был возникнуть новый «средний класс», демос. Для выжившей при таком переходе части обедневшего населения, остающейся в статусе охлоса, предполагалось создание систем благотворительности и право на социальные протесты. Как известно, эти планы оказались утопическими и выполнены не были. Гражданского общества и обширного «среднего класса» не возникло. Возникла патологическая, резко поляризованная социальная система.

В этой системе большинство населения РФ в его нынешнем обессиленном состоянии низво-

⁷ Величковский Б.Т.. Реформы и здоровье населения страны. – М., 2001.

⁸ В отношении Запада эту мысль развивает А.М. Столяров – в статье «Запад и Восток: новая «эпоха прококов». – Россия XXI. – 2004. – № 4.

дится до положения бесправного *меньшинства*. В рамках демократических процедур (например, выборов) это «меньшинство» и не может отвоевать и защитить свои права и обречено на вымирание. Тот факт, что в численном отношении этот «бывший» народ находится в РФ в большинстве, при демократии западного образца не имеет никакого значения – как для англо-саксонских колонизаторов Северной Америки не имела значения численность индейцев при распределении собственности и политических прав, меньшинствами считаются индейцы Перу, Боливии и Гватемалы, а до недавнего времени считалось и черное население ЮАР, составляющее 80% жителей страны. Этот момент даже закреплен в праве⁹.

Именно так и обстоит дело в РФ – *на практике* численное большинство в государстве лишено возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами. Практика эта определена тем, что и собственность, и реальная власть целиком принадлежит представителям *другого народа* – того самого демоса, о котором говорилось выше. Именно эти представители диктуют экономическую, социальную и культурную политику. Большинство населения против монетизации льгот или смены типа пенсионного обеспечения, но власть не обращает на это внимания. Большинство страдает от программной политики телевидения, выступает против смены типа российской школы или ликвидации государственной науки – на это не обращают внимания. Большинство не желает переделки календаря праздников, не желает праздновать День независимости, на это не обращают внимания. И все это «вполне законно», потому что в созданной победителями политической системе это численное большинство – охлос, пораженный в правах.

Чувствуя, что неравенство в распределении прав и богатства носит в РФ вовсе не классовый, а постмодернистский квазиэтнический характер, часть русских, пытаясь нащупать понятное обозначение этого состояния, выражает его в простой, но неверной формуле: «к власти пришли евреи». Неверна эта формула потому, что хотя евреи и слишком «видимы» в верхушке господствующего меньшинства, они присутствуют там вовсе не в качестве представителей *еврейского народа*, а как организованная и энергичная часть особого *нового сборного народа*, созданного в ходе перестройки и реформы.

Таким образом, нынешняя РФ предстает как жесткое *этнократическое* государство. Здесь к власти пришел и господствует квазиэтнос («племя» или «народ»), который экспроприрует и подавляет численное большинство населения, разрушает его культуру и лишает его элиту возможности выполнять ее функции в восстановлении самосознания населения как народа. Этнократию РФ следует считать жесткой, что отражается прежде всего в аномально высокой смертности и резком разделении доминирующей общности и численного большинства по доходам.

На первый взгляд, созревший в годы перестройки малый народ за 90-е годы добился успеха. Ему удалось ослабить патерналистский характер государства и произвести экспроприацию собственности у большинства населения, перераспределив соответственно и доходы. Но окончательной победы добиться не удалось, большинство населения так и не признало, что оно – не *народ*, как не признало особым народом ни «новых русских», ни интеллигенцию. Возникла необходимость во втором, «оранжевом» раунде революции, чтобы привести и охлос, и государственный аппарат в чувство.

В открытом столкновении «оранжевой» революции большинство проигрывает демосу. Сила этого демоса, даже если он невелик, заключается в его поддержке «мировым сообществом» и в слабости государства переходного типа. Его слабость в том, что созданы эффективные технологии создания и демонтажа «народа», а ни население, ни власти постсоветских государств этого не понимают и бороться с этими технологиями не могут. Речь идет о слабости всей системы постсоветской государственности – и власти, и общества. Тот народ, который в здоровом советском обществе был *вместе с Отечеством*, что и предавало легитимность и силу государству, просто исчез, когда государство объявило себя не Отечеством, а либеральным «ночным сторожем». Приняв западные демократические институты, это государство и не имеет права быть Отечеством – это сразу объявят тоталитаризмом и рецидивом имперского мышления. Оно не может и обратиться за помощью к старому народу, у него уже нет для этого соответствующего языка. В 1991 г. советский народ еще был дееспособен, но он не понимал, что власть потеряла дееспособность, и ее надо спасать.

Почему же идея *создания* народа нам кажется странной, а то и дикой? Только потому, что

⁹ «В некоторых обстоятельствах и с определенной целью в качестве меньшинств рассматриваются... и люди, составляющие численное большинство в государстве, но лишенные при этом на уровне законодательства или на практике возможности в полной мере пользоваться своими гражданскими правами» (К. Нагенгаст. Права человека и защита меньшинств. Этничность, гражданство, национализм и государство / В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». – М.: Наука, 1994).

исторический материализм, в силу присущего ему *натурализма*, приучил нас, что общество развивается по таким же объективным законам, как и природа. Зарождаются в дикой природе *виды* растений и животных, так же зарождаются и развиваются *народы* у людей. Другое дело – *классы*. Для их возникновения нужны не только объективные основания в виде отношений собственности, но и сознательная деятельность небольших групп людей, которые вырабатывают *идеологию*. Эти люди, сами обычно из другого класса (как буржуа Маркс и Энгельс или дворянин Ленин), вносят эту идеологию в «сырой материал» для строительства нового класса и «будят» его. Тогда класс обретает самосознание, выходит из инкубационного состояния и претерпевает трансформацию из «класса в себе» в «класс для себя» – класс, способный для политического действия.

В действительности, все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются* и *конструируются*. Создание народов – плод целенаправленной деятельности государства, идеологов и деятелей культуры. Чтобы семьи соединились в роды, а роды в племя, требовалось сформулировать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и выработать механизмы по надзору за их соблюдением. Это – явления культуры, а не природы. Чтобы возник и воспроизводился народ, требуется уже государственная власть, с ее жрецами, религиозными культами, границами и войском. Когда на раннем этапе Нового времени складывались национальные государства в Западной Европе, строительство нации считалось *священной обязанностью* государства. У антропологов в ходу поговорка: «не нации порождают национализм, а национализм нации».

Народы большинства нынешних великих держав созданы совсем недавно, хотя некоторые из них и носят древние имена и унаследовали многое из своих древних культур (унаследовали то, что для них отобрали из этих культур «строители»). Процесс строительства народа резко ускоряется в переломные моменты истории. Так, американский народ США был «собран» в ходе войны на независимость, и его «сборка» производилась отцами нации вполне сознательно, проект вырабатывался на совещаниях, как в КБ. Приходилось решать ряд новых задач – кого из пестрого этнического состава населения колоний и в каком статусе включать в число граждан «сверкающего города на холме» (например, немногочисленным выжившим индейцам права гражданства были предоставлены только в 1924 г., а негры долгое время выдерживались в статусе рабов). Государство США регулярно занималось «ремонтom и модернизацией» своего народа, устраняя те опасности, которые вызывали волны иммиграции (например, массовый наплыв ирландских и немецких католиков в 1840–1850-х гг., который угрожал размыть протестантское ядро государственной идеологии). Сейчас в США интенсивно разрабатывается новый проект нациестроительства ввиду быстрого изменения этнического состава населения.

Современный японский народ создан в ходе большой сознательно выработанной программы модернизации – Реставрации Мэйдзи – во второй половине XIX века. Для собирания раздробленных феодальных кланов и общин был создан и политическими средствами утвержден миф об императоре и его божественном происхождении, внедрена государственная религия синтоизм, возбуждено чувство национализма, в который была заложена идея форсированного промышленного и технического развития.

В ходе мексиканской революции в первой трети XX века было проведено конструирование и строительство современного народа Мексики. В это же время небольшая группа китайских интеллигентов–республиканцев выработала и стала осуществлять проект создания современного народа Китая. Старый народ, слабо скрепленный империей, был полностью «рассыпан» под ударами европейских держав, и в рассыпанном («как куча песка») виде китайцы оказались не только политически недееспособны, но даже *нежизнеспособны*.

Это замечательно объяснил в своем исключительно важном сегодня для России труде «Три народных принципа» первый президент Китая Сунь Ятсен. Тогда европейски образованные националисты переосмыслили даже само слово «китаец» (хань), придав ему, значение *национальности*, в то время как раньше оно означало *цивилизованность* – в противовес *варварству* тех, кто за Великой Стеной. Сунь Ятсен опирался на концепцию строительства советского народа, а мы почти ничего о ней не знаем и поддакиваем тем знающим, кто умело производил и производит *демонтаж*: великого советского народа.

В XIX веке мы видим целенаправленное создание народов, у которых даже названия не было. Возникает даже особый тип духовных лидеров, которые этим занимались (в Чехии, а потом и у южных славян их называли «будители»). В лабораториях вырабатываются литературные языки и пишется история и мифология. В 1809 г. один филолог изобрел слово «словенцы» и сотворил национальное самосознание жителей одной местности. В XX веке она стала «суверенной страной», а сейчас вступила в этом статусе в Европейский союз. Другая диалектная группа славян,

лужицкие сербы (сорбы), не получила такого будителя и в современной Европе никак не ощущается (хотя большинство деревень в южной Саксонии имеет сербские названия и немцы говорят, что «в них жили сорбы»).

Известный чешский будитель Ян Коллар сам был словаком, но отстаивал идею единого чехословацкого языка и работал над созданием современного литературного чешского языка, хотя сам до конца жизни писал по-немецки. В Европе в 1800 г. было 16 письменных языков, а 1900 г. их число возросло до 30, а в 1937 г. до 53. За каждым языком стоял созданный за короткое время народ.

За вторую половину XX века проблема создания народа стала предметом исследований и технологических разработок, основанных на развитой науке. Применение этих технологий мы и видим в больших операциях по демонтажу наших народов и созданию новых квазинародов с коротким периодом распада и выхолощенным созидательным потенциалом. Просвещение пока что отстывает на нашей земле.

Мы обязаны противостоять хаосу постмодернизма и искать способы укрепить и развить идеалы и нормы рациональности Просвещения. Но мы не имеем права игнорировать эти новые, ставшие реальностью условия. Чтобы овладеть хаосом, надо его *знать*. Если свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов* и *народов*, то бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями. Мы должны понять доктрины и оружие этих революций и войн, многому научиться – и противопоставить им свою доктрину, свою мировоззренческую матрицу, свой язык и свою эстетику – свое оружие.

Только после новой сборки наших народов на основе их сложившегося за тысячелетие культурного ядра станет возможна консолидация общества вокруг нового большого «проекта будущего» и преодоление кризиса.

Расторгуев В.Н. *заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ, доктор философских наук, профессор, академик РАЕН*

ПАМЯТЬ И БЕСПАМЯТСТВО, ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАТОРСТВО

Та часть культурного наследия, которую мы специально называем национальным наследием, выполняет одну незаменимую и специфическую функцию: она является основой идентичности нации как коллективного исторического субъекта, наделенного памятью, волей и достоинством.

Александр Панарин «Глобальное политическое прогнозирование»

Наследники и наследие

Что может унаследовать человек, лишенный разума? При всем желании он не станет полноправным наследником даже в том случае, если речь идет об элементарных имущественных отношениях. Если он будет признан недееспособным (беспамятство - самый надежный признак, на основании которого несложно поставить диагноз), то ему потребуются опекуны, чтобы вступить в права собственности. И права эти будут весьма условны и жестко регламентированы. А вступить в наследование культурой предков такой «наследник», скорее всего, не сможет ни при каких обстоятельствах. Даже в том случае, если найдется честный опекун, то и он будет бессилён исправить ситуацию, поскольку разбитый сосуд не наполнить вином. Впрочем, примеры бескорыстного опекунства встречаются в жизни, как известно, не часто, а в политике подобных случаев и вовсе никто не припомнит.

По этой причине незавидна судьба страны, которая публично демонстрирует свое беспамятство. Технология «мошенничества на беспамятстве» стара как мир, и пользуются ею не только преступники, но и вполне респектабельные политики. При этом встречаются политические деятели самых различных политических ориентации, равно склонные к политическому мошенничеству такого рода. С равным успехом овладевают этим «искусством» не только представители либерально-демократического лагеря, но и прямые их антиподы – вожди правонационалистических движений.

Крайности сходятся по той простой причине, что наследник (в большой политике – народ-наследник), лишенный культурной идентичности, как бы сам отрекается от своих прав на великое наследие предков (во всяком случае, и ему, и окружающим кажется, что это собственный выбор). Все остальное – дело юридической техники. В последние годы изобретены и испытаны самые совершенные технологии массового оболванивания, способные с равным успехом